

вызвано разложением самой правящей элиты. Многочисленные свидетельства византийских авторов, рисующих распущенное, несдержанное, развязное поведение элиты, заботящейся лишь о личной выгоде и своих политических и династических амбициях, по ее мнению, являются не общим местом литературы того времени, а отражением реальной социальной действительности. Подобным же образом обличение упадка нравов Константинополя и столичной знати есть историческая реальность и один из ярких примеров социальной эрозии.

Агрессия со стороны элиты толкала к выступлениям широкие слои населения, что влекло за собой глубокие перемены в социальной структуре, перемещение и смешение различных социальных прослоек, которые наблюдаются начиная с этой эпохи и которые обновляют социальную ткань, по крайней мере, в Константинополе. Эта нестабильность византийского общества служит выражением центробежных тенденций.

Докладчица подчеркивала атмосферу неустойчивости, беспокойства, страха, моральной опустошенности, господствовавшей в византийском обществе и порождавшей различные пророчества, знамения. Ощущение морального дискомфорта приводило к поискам индивидуального спасения, успокоения в умственных, духовных убежищах — в монастырях, а с другой стороны — к попыткам извлечь максимум возможного из жизни, к экстравагантности в поведении, манере одеваться, причесываться, питаться. Эти явления заделали преимущественно византийскую элиту и значительное число интеллектуалов.

Тревожная неустойчивая обстановка в стране способствовала возникновению новых объединений людей и созданию ассоциаций, которые могли гарантировать своим членам минимум безопасности и покоя. Это были различные товарищества, фратрии, возникавшие преимущественно в провинциях и объединявшие людей, близких по уровню жизни, профессии и взглядам на вещи. Они не были, подобно монастырским общинам, связаны строгой регламентацией, но объединяли людей, способных к действию во имя нового сообщества. Нередко они использовались и поддерживались местными магнатами в своих интересах.

Рождение этих форм социальной жизни приводило к новой концепции общественного интереса, защита которого становилась делом каждого. Так, эти братства оказывали действительную защиту населению от внешних врагов — турок в Азии, крестоносцев на Балканах.

Докладчица отмечала существовавший в рамках этих братств дух равенства по отношению к их членам. Эти ассоциации по существу были носителями центробежных сил и способствовали формированию в провинциях локальных образований государственного характера.

Э. Арвейлер вслед за писателями той эпохи нарисовала мрачную картину обезлюдения византийских провинций, глубокого демографического упадка византийской деревни, роста внутренних миграций, бродяжничества, разбоя. Это был период различных эксцентричных действий, привычек, мод, манер поведения, которые одними считались безнравственными, другими возвеличивались. Крайняя свобода нравов царила тогда в византийском обществе. Конечный вывод докладчицы сводится к тому, что социальная эрозия стала прелюдией политического распада империи.

Известный греческий ученый, профессор университета в фессалонике И. Караяннопулос в докладе «Центробежные и центростремительные силы в византийском мире в 1071—1261 гг.» попытался проследить воздействие сил централизации и децентрализации на судьбы отдельных провинций Византии, в частности Малой Азии. Свое внимание он сосредоточил преимущественно на событиях XI в., подвергнув пересмотру распространенное в науке представление об упадке Малой Азии во второй половине XI в. Завоевание турками-сельджуками этой провинции было, по мнению докладчика, более длительным и сложным процессом, чем